

АЛЕКСЕЙ АРЖАНОВ ВИКТОР МОЛОТОВ

ТОМ 7

ДРУИД

ЗИМНИЕ ТРАВЫ

Дубровский

Виктор Молотов

Друид. Том 8. Зимние травы

«Автор»

«Автор»

2026

Молотов В.

Друид. Том 8. Зимние травы / В. Молотов — «Автор», «Автор», 2026 — (Дубровский)

Тридцать лет я вырубал деревья и сколотил на этом целое состояние. А потом одно из них упало мне на голову. Очнулся после смерти в теле молодого дворянина в Российской Империи, где магия — это реальность. И теперь я друид. Последний в своём роду. На меня повесили большой долг. По соседству живёт граф, который спит и видит, как бы забрать мои земли. С другой стороны — Поволжская аномалия, которая обращает моих зверей в чудовищ. Что ж, я не первый раз начинаю с нуля. Насчёт бизнеса в лесу уже есть идеи, а вот с аномалией придётся повозиться! Ведь, чтобы выжить, я должен защищать сто пятьдесят гектаров леса, который чувствую как собственное тело.

© Молотов В., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11

Виктор Молотов, Алексей Аржанов

Друид. Том 8. Зимние травы

Глава 1

В конторе Астахова стоял запах крепкого кофе и сургуча. Одного этого мне хватило, чтобы понять, как прошла ночь у лучшего юриста Волгина.

Очевидно, он не спал. Всю ночь провёл за работой.

Аркадий Аристархович сидел за столом в том же сюртуке, в котором, видимо, был и вчера, судя по заломам на локтях, и перед ним лежали три стопки бумаг, выровненные по линейке. Штора на окне была задёрнута наполовину, писаря из приёмной он отослал, и дверь за мной запер на ключ, чего не делал ни разу за всё наше знакомство.

– Присаживайтесь, барон, – сказал он вместо приветствия. – Кофе предлагать не стану, он у меня кончился к четырём утра. Разговор у нас выйдет длинный, и начну я его по порядку, с бумаг. Так мне привычнее, а вам полезнее.

Я сел и положил пальто на колени. Кресло у него было жёсткое, но я устроился в нём с удобством.

И мы начали говорить о Шатунове. О враге, которого я уже давно вычеркнул из памяти. Но он вернулся.

И как он вернулся из психиатрической лечебницы – вопрос отдельный.

– Стопка первая, – Астахов положил ладонь на левую. – Выписка. Я поднял всё, что поднимается за одну ночь, и скажу вам как юрист: придаться не к чему. Комиссия настоящая, в полном составе, все шестеро с именами и стажем. Заключение оформлено по уставу, подписи подлинные, я сверял лично. Если вы надеялись, что бумаги окажутся грязными и мы оспорим их через губернию, оставьте эту надежду сразу.

– А старое заключение? – спросил я. – То, по которому его закрывали. Его отменили?

– В том и дело, что нет, – юрист поднял на меня глаза, и в них я увидел то, ради чего он не спал. – Старое дело никто не трогал, барон. Никто не доказывал, что он был здоров тогда. Признано, что болен был по-настоящему всё то время. А теперь исцелился. Полностью, без остатка, впервые в истории губернской медицины. Понимаете разницу? Вас и ваших прошлых дел это не касается никаким боком, пересматривать нечего. Юридически всё чисто до скрипа. И вот от этого скрипа, барон, мне вторые сутки не по себе.

Он отодвинул левую стопку и придвинул среднюю, самую тонкую.

– Стопка вторая. Здесь того, что на бумаге, почти нет, и я скажу вам почему: слежу за этим человеком с того дня, как его увезли.

– Но я ведь, насколько мне помнится, не просил вас об этом?

– Не по вашему поручению, по собственному разумению: у вас с ним были счёты, дуэль и вражда, а такие люди из моей памяти не выпадают. Так вот, следить за ним было легко вплоть до осени. Обычный пациент, типичное отделение, стандартные порядки. Вы знаете, как у нас содержат душевнобольных, барон?

– Догадываюсь.

– Лучше не догадывайтесь, – сухо сказал Астахов. – Скажу коротко: с ними не церемонятся. Холод, надзиратели, общие палаты. Так он и жил там всё это время, и сведения о нём стоили мне рубль за листок. А потом наступил октябрь, и сведения кончились. Не подорожали, барон. Именно кончились.

– Не томите, – попросил я. – Что вы имеете в виду?

– Отделение закрыли для посторонних, персонал сменили, бумаги перестали выходить за стены. Мои знакомые в лечебнице замолчали все разом, и один из них, человек не робкий, вернул мне задаток. Понимаете, что это значит в наших краях?

– Что кто-то платит больше, – сказал я. – Или пугает лучше.

– И то, и другое, полагаю. Я поднимал цену трижды, барон, и трижды мне возвращали деньги, а один трактирщик при этом смотрел мне за плечо, на дверь.

– Надо было сообщить мне об этом раньше, – подметил я. – Быть может, я бы добавил больше денег, и мы бы...

– Всё решили? Нет, – перебил Астахов, а затем перевёл взгляд на бумаги. – То, что лежит в этой стопке, я получил вчера – от человека, который передал мне это едва ли не ценой собственной шкуры. Имени его не будет знать никто, включая вас. А рассказал он вот что.

Астахов раскрыл тонкую папку, но читать не стал, потому что знал её наизусть.

– В октябре Шатунова перевели в отдельное крыло. Палата с мебелью, стол, своё бельё, прогулки без надзирателя. К нему начали пускать гостей, барон. К душевнобольному, в закрытую лечебницу — по вечерам, а иногда и по ночам.

– Что за гости?

– Кто такие, никто не знает: приезжали в закрытом экипаже, проходили через отдельный вход, записей о них нет ни в одной книге. И последнее — самое тревожное. Лекари между собой отмечали, что во время этих визитов в крыле скакал магический фон. Измерительные артефакты ввали, охранные контуры звенели без причины, у сестёр гасли накопители в ладанках.

– Есть тому объяснение?

– Нет. Что там происходило за дверью, не знает ни одна живая душа. А через месяц таких визитов комиссия обнаружила, что он исцелён.

В комнате повисла пауза, только часы на шкафу отсчитывали секунды.

– А комиссия? – спросил я. – Шестеро с именами и стажем. Их кто-нибудь расспрашивал?

– Расспрашивал один газетчик, по своей охоте, – Астахов усмехнулся без веселья. – Все шестеро ответили ему одно и то же, слово в слово, барон: я проверял записи. Учёные люди с тридцатилетним стажем так не говорят. Так отвечают выученную заранее фразу, понимаете? Больше вопросов им никто не задавал.

– Тогда извольте вывод, Аркадий Аристархович, – сказал я. – Вы ведь ночь просидели не ради пересказа, а ради вывода.

– Ради вывода, – согласился он и закрыл папку. – Он будет коротким и не юридическим, так что прошу на меня не ссылаться. В лечебницу положили одного человека, барон. А вышел из неё другой. Что у него теперь в голове – не скажет ни один лекарь, потому что лекари, что вели его последний месяц, молчат. Что у него теперь с даром, не скажу и я, но фон в том крыле менялся не просто так.

– И где он теперь? – спросил я.

– Направился из губернского города не домой: в имении его не ждут, я проверил ещё вчера. Куда – неизвестно. Потому совет мой вам простой, и даю я его не как юрист, а как человек, который получает от вас жалованье и намерен получать его долго. Будьте начеку. У этого человека есть за что мстить вам, и теперь у него есть на это силы, свобода и, похоже, друзья, которых лучше не иметь во врагах.

Я смотрел на три стопки бумаг и молчал.

Слово “мстить” юрист произнёс легко, очевидным для себя: дуэль, вражда, проигранные Шатуновым земли. Юрист не знал главного, и узнать ему было неоткуда.

Он практически прямо повлиял на смерть моего отца. Доказательств не существовало, знали об этом двое на всём свете, и второй из них разливал сейчас по склянкам отвары в моём санатории. Павел Демьянович, отец Лизы.

Так что счёт за месть тут был открыт с двух сторон, и мой список причин для отмщения был длиннее.

– Распоряжения будут такие, – сказал я. – Первое: любое движение этой фамилии по бумагам – земля, купчие, векселя, доверенности – я узнаю первым в тот же день.

– Договорились.

– Второе: следите за всеми, кто станет покупать или продавать что-либо рядом с моими границами. Третье: людей своих больше в лечебницу не посылайте. Кто закрыл то крыло, тот умеет считать гостей, и рисковать вашими знакомыми я не хочу. Расходы запишете на меня отдельной строкой.

– Уже записал, – Астахов позволил себе первую за утро усмешку. – Приятно работать с человеком, который распоряжается быстрее, чем я успеваю советовать.

Обратно мы ехали через просыпающийся Волгин. Грач поглядел на моё лицо, хмыкнул и высказался один раз за всю дорогу.

– По лицу вашему, барин, вижу, что у стряпчего Астахова накормили вас плохо.

– Это точно. Зато честно, – усмехнулся я, и на этом разговор наш кончился.

Я раскладывал всё, что узнал, по полочкам. На моей доске, среди уже расставленных фигур, появилась новая — и хуже всего было то, что я не понимал, чья она. Своя, с собственной злобой и счётом ко мне? Или её вырастили в том закрытом крыле те самые ночные гости, у которых от визитов звенят охранные контуры?

Про мага я помнил и другое: чужой силе на моей земле уже который раз подряд не везло, и те, кто считал эти убытки, умели делать выводы. Шатунов был магом, и это было против самой тёмной из догадок, но октябрь с его отдельной палатой и ночными гостями говорил за неё.

Гадать было рано, а готовиться поздно не бывает. Зима, длинная и тёмная, годилась для ожидания лучше любого другого времени: дороги встанут, гости издалека будут видны на снегу за версту, а у меня дома каждый день прибавлялось по стене и по человеку.

И был ещё один счёт, который я вёл молча. Назывался он коротко: отец. Не мой по крови — если вспоминать ту, прошлую жизнь. Но я давно перестал делить родных: этот род стал моим со всеми долгами, и долг за Сергея Дубровского значился в нём первой строкой. А единственный родной сын покойного сидел сейчас в моём кабинете на подоконнике и, надо полагать, доедал третью ореховую горку за день.

Семья у меня вышла странная, что и говорить. Но своя, и давать её в обиду я не собирался никому.

Прибыв домой, я услышал стук топоров и птичий свист, и после конторы с её сургучом этот шум лёг на душу лучше любого отвара.

Зимний лес обживался быстрее, чем я рассчитывал. Свод сомкнулся окончательно, и снаружи он выглядел тёмно-зелёным холмом с курящимся по краям парком. Внутри Виктор запустил ручей: вода шла по кольцу неглубокая, в ладонь, и журчала на перекатах из окатанных камней, которые он подбирал лично.

Синицы Ярины прибыли первыми, десятка полтора, и уже хозяйничали в рябине.

У соснового угла обнаружился Леонид. Теневик замер под самой смолистой сосной, прикрыв глаза, и на моё появление отозвался, не поворачиваясь.

– Барин, я тут это... По расписанию.

– В расписании тебя нет.

– Так я вне расписания по расписанию, – объяснил он с достоинством. – Через день, после караула. Варвара дозволила и записала. У вас теперь, барин, не санаторий, а рай с журналом учёта.

Спорить с этим определением я не стал, тем более что шёл не к нему.

В изоляторе пахло солью и сосной, но слабо: из одиннадцати коек застеленной оставалась одна. Гордей Лукич сидел одетый, с котомкой на коленях, торжественный, и при виде нас с Лизой поднялся во весь рост.

– Ну, барин, Елизавета Павловна, – объявил он. – Готов к досмотру. Всю ночь не спал: боялся, что звёздочки обратно высыпят назло.

– Сядьте, Гордей Лукич, и рукава закатайте, – Лиза уже доставала часы.

Осмотр мы вели вдвоём по всей форме, и за месяц этот порядок отточился до мелочей.

– Кожа чистая, – диктовала Лиза, ведя пальцами по его предплечью. – Звёздочек нет ни на руках, ни на груди, ни под коленями. Дыхание ровное, свиста нет ни на вдохе, ни на выдохе. Пульс... – она пустила секундную стрелку и подняла ладонь, требуя тишины, и Гордей замер, не дыша. – Дышите, Гордей Лукич, дышите, вы мне живой нужен. Пульс семьдесят два, наполнение доброе.

– Это что же значит? – не выдержал старик.

– Это значит – не мешайте считать, – строго сказала Лиза, и я сразу понял по её голосу: итог она уже знала.

Я шёл следом за ней своим путём. Ладонь на грудь, чутьё вглубь, и там, где месяц назад дремала под кожей сырая искристая муть, теперь стояла сухая чистота. Соль подсушила, сосны дожали, и хворь, которой нужна была вода, сгнула в моих владениях от засухи.

– Чист, – сказал я вслух. – Совсем чист, Гордей Лукич. Искряницы в вас больше нет, как и в санатории: вы были последним.

Старик посмотрел на свою руку, ту самую, одревеневшую, которую мы лечили ему с осени, потом на здоровую, где месяц назад цвели бледные звёздочки. Потом шмыгнул носом и поклонился в пояс – сначала Лизе, потом мне.

– Вот ведь как оно, – проговорил он не сразу. – Привёз вам заразу на весь дом, а вы меня за это лечили да в тёплую пристройку посадили. Торговал я сорок лет, барин, всякий обмен видал. А вот такого не видал.

– Такой обмен у нас называется лечением, – ответил я. – Куда теперь? Комната ваша в гостевых стоит, никто её не занимал.

– А можно мне... – Гордей замялся, что случалось с ним редко. – Можно мне при новом лесе состоять? Я слышал, там птицу кормить надо, рябину смотреть, за ручьём приглядывать. Я человек здоровый теперь, сидеть без дела не приучен, а рассказчик знатный, больные подтвердят. Буду ходить, кормить да рассказывать. Жалованья не прошу, харчей довольно.

Лиза посмотрела на меня поверх часов, и в глазах у неё было готовое решение, которое мне оставалось только озвучить.

– Принят, – сказал я. – Смотрителем зимнего леса, с харчами и жалованьем, потому что бесплатно у меня работает только дом. Первое поручение: синицы налетают на рябину быстрее, чем она успевает краснеть. Разберитесь.

– Разберусь! – просиял Гордей и подхватил котомку так, будто в ней лежало назначение на губернаторство.

Когда он ушёл, я положил ладонь на тёплую стену изолятора и сказал дому, что работа его кончена. Комната отозвалась медленной волной, корни зашевелились, и пристройка начала уходить обратно, койка за койкой, окно за окном.

К вечеру у восточной стены осталась только ровная кладка, и Варвара, проходя мимо, погладила её ладонью и поблагодарила вслух.

День заканчивался как надо, и я позволил себе редкую роскошь: поужинал без бумаг, послушал доклад Сухомлина вполуха и поднялся к себе в кабинет с намерением просидеть час над чертежом купален и лечь до полуночи.

Неладное я увидел ещё с порога.

На подоконнике, на всегдашнем месте, ждала ореховая горка. Вечерняя, свежая, Степан насыпал её после ужина по заведённому порядку.

Горка стояла нетронутой орех к ореху.

– Пушок, – позвал я вслух.

Ответом мне была тишина, причём какая-то неправильная. Не та, что бывает, когда наглый зверь дует и вредничает.

Я даже его голос не слышал. И это меня напрягло.

Пушок лежал за горкой у самого стекла, вытянувшись на боку.

Я взял его в ладони, и он не шевельнулся. Тельце было вялое и едва тёплое, лапы висели, и рыжий хвост, вечный флаг его самомнения, обвис. Дыхания я не услышал. Нашёл его чутьём: один вдох, длинная пропасть тишины, потом ещё один, и сердце частило еле слышно, вполсилы.

– Пушок, слышишь меня?

В голове моей не отозвалось ни единым словом.

Я положил его на стол под лампу и повёл чутьём вглубь, по всем правилам, которым выучился за этот год у чужих постелей. Кровь чистая, лёгкие чистые, сердце и жилы целы – ни яда, ни искры, ни хвори. Маленькое звериное тельце было в норме от усов до хвоста – здоровее некуда.

Оно просто гасло, постепенно и без единой причины.

Холод по левую руку я почувствовал ещё до того, как мой дед проявился. Валерьян встал у стола целиком, без обычного мерцания, и наклонился над белкой так низко, что борода прошла сквозь столешницу.

– Давно он так? – голос у деда был незнакомый.

Небывалое напряжение. И я могу его понять. Ведь в Пушке живёт его настоящий потомок. Тот, кто ранее был в моём теле.

– Горка вечерняя, нетронутая. Значит, с ужина. Дед, я его смотрел насквозь. Он здоров. Полностью, понимаешь? А всё равно угасает.

– Вижу, что здоров, – огрызнулся Валерьян и провёл ладонью над рыжим боком. Один раз, другой – и всё быстрее. – Вижу... Позови его. Ты. Тебя он слышит всегда, хоть спит, хоть дует. Зови!

– Я звал.

– Громче зови! По-семейному! Мы ведь все теперь одной крови!

Одной крови. Человек из другого мира, белка и призрак. Ну и семейка...

– Пушок, – сказал я в третий раз, наклонившись к самому уху с кисточкой. – Орехи стыннут, барон.

На это он отозвался бы из любого сна и из любой обиды, я знал это твёрдо.

Но он не отреагировал даже на орехи.

Валерьян выпрямился, и я впервые за всё наше знакомство увидел: дед не знает, что делать. Он смотрел на белку, и свечение его дрожало по краям мелкой рябью.

– Тело здоровое, внучок, – проговорил он тихо. – Хоть сейчас пускай в пляс. Я такие дела знаю, сам его в это тело сажал своей рукой. Держаться там есть за что – и века хватит. Угасает не тело.

– Тогда что угасает? Говори, дед.

Дед поднял на меня глаза, и в них стоял страх, которого я не видел у него даже в подземелье.

– Он сам.

Глава 2

– Что значит – он сам? – обратился я к Валерьяну. – Ты же говорил, что души наши перемещал лично. И связал их накрепко. Что мою, что его.

Валерьян замаялся и умолк на несколько долгих секунд, и я его не торопил: в технике переселения душ разбирался во всём нашем странном семействе только он. Нюансов там хватало – и таких, о которых я даже спросить не смогу правильно.

– Вязал я их накрепко, – проговорил он наконец. – Тут ты прав, внучок. Только заметь, несмотря на это, в твою крепкую душу вселился квартирант, как ты его называть повадился. Хотя как по мне, так к нему больше подходило слово “паразит”, – призрак нервно усмехнулся. – Крепость узла не спасает от того, что лезет со стороны. А с его душой начались проблемы, и природа их мне пока до конца не понятна.

– Давай переберём варианты, – предложил я. – Может, что-то зовёт его с того света. Может, болезнь – из тех, что бьёт не по телу, а по душе. Что-то магическое, что влияет на душу.

– Может, и так. А может, и иначе. Зов с того света штука известная: застрявшую душу тянет обратно, коли срок её вышел, а держаться не за что. Только у Пушка держаться есть за что, я сам тот узел вязал. Болезнь души тоже бывает, я про такие слышал. Только все те хвори приходили снаружи, от проклятия или от места дурного, а у нас тут ни того, ни другого: земля твоя чище чистого.

– Тогда есть и ещё вариант, – продолжил я. – В него поселилась искра и начала влиять на душу. Мы ведь до конца не выяснили, как эта дрянь работает.

– Насчёт искр я даже не уверен, что это болезнь, – Валерьян качнул головой. – Рыб она заставляла изменяться, делаться страшными, это я видел своими глазами. Только у них изначально нет источника в душе. А у той твари он был, и она изменилась так, что стала сильнее. Твой план с прудом был хорош, внучок. Иначе я и не представляю, как её можно было убить. Мои предки до этого понимания так и не дошли.

– Хорошо, – я задумался. – Допустим. Можно проверить. Если искра ушла дальше, это можно увидеть.

И я вновь склонился над неподвижным тельцем Пушка.

В прошлый раз я рассматривал его чисто с физиологической стороны: кровь и лёгкие, сердце и жилы. Теперь мне требовалось проникнуть глубже, и вот это было сложно. Магией Вельского я научился работать скорее поверхностно: видеть болезни да понимать, что и куда течёт. То, что предстояло сейчас, было на совершенно ином уровне.

Я положил ладонь над рыжим боком и повёл чутьё вглубь.

Правая рука моя затряслась почти сразу же. По лбу побежал пот, капля сползла к брови и повисла там, и смахнуть её я не мог: любое движение грозило разорвать нить.

– Не торопись, – подговаривал рядом Валерьян. – Здесь главное сосредоточение. Дыши глубже и реже.

Я кивнул одними глазами, потому что двинуться сейчас означало потерять контроль.

Сила, которой я работал, была получена от квартиранта, и она не ушла вместе с ним. А почему так вышло – не известно до сих пор. То ли часть его души уже успела прижиться в этом теле и мне повезло, что это была именно магическая часть, а в куклу ушло одно сознание. То ли Вельский сам так решил: не захотел, чтобы дар пропал. При жизни он развил его до высоты, которой я не встречал ни у кого. Давно заметил, что сила эта заметно отличается от того, чем владеют Лиза и остальные мои целители.

Я осматривал тело Пушка целиком, слой за слоем, и шёл по органам и тканям, по сосудам тоньше волоса. Чутьё уходило вглубь, до самых клеток, и на каждом уровне я видел одно и то же: всё функционирует плавно, ничто не подсвечивается дурным. Сердце билось редко и

слабо, но кровь несла всё, что ей положено. Здоровое маленькое тело, живое во всех своих частях, и от этого понимания делалось только тревожнее.

– Дыши на счёт, – шелестел рядом Валерьян. – Четыре вдоха и выдоха, работа, четыре вдоха и выдоха. Не торопись.

Я дышал на счёт и проникал глубже.

А потом всю мою работу оборвала вспышка. Резкая и белая, она ударила изнутри собственной головы, выбила меня из работы, и я отшатнулся от стола на несколько шагов, моргая и держась за столешницу.

– Так, – сказал я, отдышавшись. – Ещё раз.

Валерьян молча кивнул, и в этом жесте читалось одобрение.

Второй заход дался легче, благо дорогу я уже знал. Чутьё прошло сквозь слои, которые интересны медику, не задерживаясь: клетки и ткани с токами крови остались ниже, а в них я всё равно разбирался хуже своего бывшего квартиранта. И глубже, точнее, вовсе в стороне от всякой анатомии открылось то, ради чего я лез: магическая часть души.

Она пронизывала тельце Пушка целиком тонкой светящейся вязью, переплетая собой каждую жилку. У сердца вязь сгущалась в плотный узел, от узла расходились нити к лапам и голове, и по ним шло медленное бледное свечение туда и обратно, приливом и отливом. Я видел её впервые в жизни и смотрел, запоминая каждый узел.

И нигде, ни в одном узле этой вязи, не было никакой красной искры.

Голова закружилась, и горло пересохло. Комната поплыла, и я разорвал контакт сам, пока он не покалечил меня.

– Ну что? – Валерьян навис надо мной. – Искра-таки?

Я помотал головой, добрёл до кресла и сел, прижав пальцы к переносице. Комната вокруг меня всё ещё плавно кружилась. Я поморщился, пережидая, и боль, к моему удивлению, стихла быстро, за несколько вдохов.

Главное успел понять: я смог это сделать. И ещё кое-что успел, прежде чем зрение погасло совсем: бросил взгляд на собственную ладонь. Вязь была и во мне, плотная и яркая, с толстыми готовыми руслами, по которым сила шла свободно. То, что светило в Пушке, отличалось от этого примерно как река от родника, который пробивался сквозь камень.

– Не искра, – отрывисто сказал я, когда голос вернулся. – Насколько мне хватает понимания, дело в другом. Тело белки нормальное, здоровое. Но оно не приспособлено для мага. А Пушок, уходя из прежнего тела, забрал часть магии с собой. Источник разделился на две половины, дед. Во время переноса души.

Валерьян выслушал, и рука его театрально легла на грудь.

– Житень всемогущий, – выдохнул он, и имя одного из здешних богов прозвучало у него без всякого театра, всерьёз. – Это моя ошибка, внучок. Источник должен был остаться полностью у тебя. Я ещё думал, почему ты так странно развиваешься, скачками, не по науке. А оно вон что. Источнику нужно было отрастить свою половину обратно.

Я мысленно отметил занятное: источники в этом мире, выходит, восстанавливаются тем же манером, что морские звёзды. Разруби такую пополам, и получишь две новых. Открытие выходило интересное, и что-то мне подсказывало, что делить источники до нас пробовали немногие: для такого фокуса требовалось совместить смерть с воскрешением, а добровольцев на подобное не сыщешь ни за какие деньги.

– Твой источник восстановился гораздо раньше, – продолжал Валерьян, проходя сквозь угол стола. – Потому что ты тренировался, гонял его день за днём, кормил работой. Да и, вероятнее всего, тебе досталась большая его часть – не верю я в то, что они могли поделиться поровну.

– Согласен, это логичнее.

– Так вот. Даже жалкому остатку прежнего величия, источнику Пушка, требовалось время, он спал вместе с хозяином. И вот ещё что, внучок. У тебя в теле уже были проложены магические каналы. Это добро формируется у человека годам к восемнадцати, а после магия входит в полную мощь по готовым руслам. У Пушка сейчас источник пытается сделать то же самое, что у растущего ребёнка: пробить себе русла. Только человеческое тело ребёнка к такому прорыву приспособлено природой, дитя его даже не замечает. А тело белки не годится. Мало его для такого. Да и устроено оно не так.

– Значит, и ему нужно новое тело, – я нервно усмехнулся.

Уже третье за месяц обещаю. Сперва Вельскому. Затем Тихой. Теперь выясняется, что и Пушок без этого не сможет. Не нравится мне тенденция.

– И ещё, Всеволод, – дед посмотрел на меня в упор. – Ему нужно именно человеческое тело. С каналами, с простором для источника. Так что как бы ты ни хотел за все его грехи поместить его туда, где он больше ничего не натворит, это не сработает.

– Читаешь меня, дед.

– Читаю, было такое желание у тебя на лице. Но твоё тело мы трогать не можем, и это даже не обсуждается. Ты уже прижился. И ты выполняешь свою роль, ту, на которую он оказался не способен. Я не собираюсь отменять своё решение.

Сказано это было чётко, без единого надрыва в голосе, и я зауважал старика ещё больше. По сути, ради рода, ради выживания семьи он отказался от собственного внука в пользу чужеземца, оказавшегося сильнее духом. Такие решения не даются легко, и жить с ними приходится до конца.

– Чтобы спасти его, – начал я рассуждать вслух, – можно провести примерно тот же ритуал. Найти умирающего и вселить в него Пушка.

– Можно, – согласился Валерьян. – Только делать это придётся тебе самому, внучок. Я уже не выдержу. Меняхватило на одну душу. И то я этим себе посмертие заказал...

– Что это значит? – я поднял голову. – Сколько тебе осталось?

Валерьян махнул рукой, и мерцание его дрогнуло.

– Не спрашивай. Это не важно.

Я смотрел на него ещё несколько секунд и понял, что ответа не дожусь. Есть вопросы, на которые этот призрак не отвечает даже родне, и давить тут бесполезно.

Зато мне при этих словах вспомнилось другое. Мерцание деда за этот год стало бледнее, и раньше я списывал это на усталость, на расход силы при наших общих работах. Теперь картина вырисовывалась другая. И подпортил её тот случай, когда дед собственноручно силу озера держал и много из себя выжал.

Я поднялся из кресла и одёрнул рукава.

– Куда ты? – спросил дед.

– Буду думать, как искать тело без души. Есть у меня парочка вариантов.

Ведь и в этом мире пытаются сохранить жизнь тем, из кого душа уже ушла, и не видят этого напрочь.

В моём прежнем мире такое случалось сплошь и рядом: мозг человека умирал, а тело поддерживали на аппаратах жизнеобеспечения месяцами и даже годами, история довольно частая. В таких людях, по моему мнению, души уже нет, и именно такое тело мне предстояло найти в ближайшее время.

Искать придётся не среди крестьян. Да что там, даже у большинства мещан нет возможностей поддерживать жизнь магией: услуга эта стоит состояния, а платить за неё приходится каждый месяц заново. Значит, искать предстояло среди богатых семей империи. И идти на хитрость, потому что богатые дома о таких своих несчастьях не кричат: лежащие прячутся за задёрнутыми шторами годами, и наружу выходит только счёт от мага-поддержателя.

Я уже примерно понимал, кто может помочь мне в этих поисках. Требовался человек, вхожий сразу во все богатые дома губернии, любопытный до чужих тайн и лояльный ко мне достаточно, чтобы не задавать лишних вопросов.

Уже у самых дверей кабинета я обернулся. Валерьян сидел у лежанки, куда я переложил Пушка, и смотрел на рыжий бок. Я всё же его окликнул, уже взявшись за ручку.

– Дед. Мы его вытащим.

– Вытащим, – эхом отозвался он и помолчал. – Я ведь ему тогда, внучок, даже не объяснил ничего. Посадил своей рукой в это тело и слова доброго не нашёл, всё делом оправдывался: род, наследство, время не ждёт. А он ведь не злой был. Слабый, это правда, но не злой. Я думал, после поговорим, у мёртвых времени много... – мерцание его дрогнуло по всему контуру. – Вытащи его, Всеволод. Уже и не ради рода даже. Ради меня.

– За тем и иду, – ответил я и вышел.

С самого утра я спустился к телефонному аппарату и позвонил Нефёдову.

– Николай Семёнович, здравствуйте. Дело у меня к вам есть. Деликатное. Не телефонный разговор.

– Всеволод Сергеевич, дорогой! – голос коллекционера в трубке потрескивал, но энергии в нём хватило бы на два аппарата. – Деликатное, говорите? Обожаю деликатные дела, они всегда самые интересные. Заеду, всене непременно заеду на днях. Сейчас, простите великодушно, никак: занят страшно, завтра еду на один аукцион. Каталог обещают такой, что я третью ночь не сплю. Один лот там... Впрочем, молчу-молчу, по телефону о таком нельзя, ещё перекупят. Ждите на неделе, дорогой мой, и готовьте вашу деликатность!

Зная его манию, отговаривать я не собирался: бесполезно. На артефактах Нефёдов был помешан, как никто другой в губернии, и аукцион для него стоял выше любых деликатных дел. Что же, подождём: дело моё было из тех, что не любят спешки, а лучшего проводника по богатым домам губернии мне всё равно не сыскать. Николай Семёнович пил чай в половине из них и знал вторую половину по описи.

Ждать умел и Пушок, хотя выбора ему не оставили. Однако времени у него было мало.

Он всё так же находился без сознания: лежал в своей лежанке, и рыжий бок поднимался и опускался с длинными провалами между вдохами. Валерьян парил при нём безотлучно, и ему было велено в случае любых перемен докладывать мне немедленно.

– Николай Семёнович, – сказал я. – Дело стоит вашей комиссии. Жду до пятницы.

В трубке стало тихо, и в тишине этой я расслышал, как на том конце щёлкнула крышка табакерки. Поторопить его и правда стоило.

Он выдержал паузу.

– Друг мой, – проговорил Нефёдов совсем другим голосом, ровным и трезвым. – Вы ведь знаете, что я торгуюсь всегда и со всеми.

– Думаю, что мой случай даст вам прекрасную возможность заработать.

Нефёдов оживился и пообещал до пятницы уладить все свои дела.

Лизе я пока не говорил ничего. Для неё Пушок оставался фамильяром, наглым и прожорливым, и о большем, чем мой новый уровень лекарского анализа, узнать ей было неоткуда. Забавно, к слову: я ведь даже не знал, как толком называется эта сила. Когда верну Вельскому тело, обязательно у него спрошу.

Думаю, тем для разговоров у нас накопится много. И будет он возмущаться, что тело у него отнюдь не человеческое, ровно до тех пор, пока не отыщет в этом свои плюсы. А он отыщет, я в нём не сомневался.

После завтрака я отправился к Истоку вместе с Виктором.

Больше я решил никого не брать: опасность миновала, пруд был мёртв вместе с тварью, питающее её озеро уничтожено, а дорога вдвоём выходит быстрее любого отряда.

Лес в этот раз был к нам щедр. Стоило отойти от поместья на пару вёрст, и расстояние сжалось: тропы легли одна к другой, чаща расступалась загодя, и уже через час мы вышли к ущелью, на дорогу, которая обычно съедала полдня.

– Вот это магия, – восхищённо проговорил Виктор, оглядываясь на сомкнувшийся за нами лес. – Полсотни вёрст за час – и ни одной ветки в лицо. Я, признаться, до сих пор к такому не привык, хоть и живу тут который месяц.

– Лес сам решает, кому и когда помогать. Сегодня мы с тобой идём по хорошему делу, вот он и стелет.

– А по плохим, стало быть, не стелет?

– По плохим он заворачивает обратно, Виктор. Проверено на гостях. Ещё бы узнать, как это на поток поставить.

– Ой, думаю, сейчас у тебя, Сева, есть дела поважнее, – хмыкнул он. – Те же искры, что по реке разносились. Чудовища мертвы, а эта дрянь всё ещё плавает. И Бойков ждёт ответа.

Ждёт, и это была чистая правда, только ответа для графа у меня пока не было: он просил прямых последствий отравления, случаев с именами и симптомами, а у меня на руках была лишь спящая точка у сердца Ермолаева да сгоревшие обозы. Точка эта в казённую бумагу не ложится. Придётся ждать, пока отравка покажет себя, и надеяться, что к тому дню мы будем готовы лучше неё.

А про Шатунова Виктор пока не знал, и нагружать его этим я сегодня не собирался: у нас была работа полегче и посветлее.

Чаша Истока лежала перед нами прежняя, сухая, под живой горловиной из корней. Я подошёл, стянул перчатку и достал нож.

Печать эту я ставил собственной кровью, с условием, которое произнёс вслух над водой: не пушу никого, пока сам не приду с новой кровью и не попрошу открыть. Слово следовало исполнять буквально, земля такие вещи помнит лучше любого нотариуса.

Я провёл лезвием по старому шраму на ладони, и свежая кровь легла на корни горловины.

– Открывай, – попросил я. – Я пришёл.

А затем опустился на колени, положил обе ладони на землю у самой чаши и открыл себя.

Сила пошла вниз широким ровным потоком, и земля приняла её с готовностью, которой я не ждал. Первыми отозвались растения: корни дрогнули, налились, по сухим склонам ущелья прошла волна зелени, невозможной в ноябре, и мох на камнях засветился изнутри тёплым. Магия жизни заполняла чашу, поднимаясь от дна к краям, и когда она дошла до горловины, печать треснула.

Готовность обернулась жадностью. Земля брала больше, чем я отдавал по своей воле, и оторвать ладони от почвы с первого раза у меня не вышло. Перед глазами поплыли тёмные пятна, в ушах поднялся ровный низкий звон, и остаток силы уходил уже помимо всякого желания. Виктор перехватил меня под локти и оттащил на два шага от края чаши.

– Она бы тебя досуха взяла, Сева, – сказал он. – Ей без разницы, кто силу отдаёт.

Корни горловины разошлись в стороны медленно и величаво, открывая жерло.

И следом за печатью вздохнула сама земля.

Гул пошёл из глубины, из-под ущелья, из-под всей округи. Почва под коленями дрогнула, по склонам поехали камешки, деревья над обрывом закачали вершинами. Землетрясение вышло небольшое и аккуратное: земля потягивалась после долгого сна, и вместе с этим вздохом снизу поднялась вода.

Она ударила в чашу из жерла тугим прозрачным столбом, разбилась о края, встала водопадом. Чаша наполнялась на глазах, вода шла и шла, чистая до синевы, и над ущельем повисла водяная пыль, в которой тут же зажглась бледная зимняя радуга.

Я подошёл к краю наполнившейся чаши и опустил в воду ладонь. Она взяла руку мягко, и по пальцам прошло тепло, которого в ней не было прежде: сила из недр входила в неё прямо здесь, на моих глазах, и вода несла эту силу в себе легко, без остатка. Ею можно было смело лечить.

Виктор стоял рядом, приложив ладонь к скале, и лицо у него было отрешённое.

– Сева, я прямо чувствую, – проговорил он. – Земные потоки изменились. Озера под нами больше нет, полость там схлопнулась вся. Подземная река теперь проходит прямо здесь, близко, я её слышу через камень. И сила... Вся сила, что идёт из земли, теперь входит в этот Исток. А из него расходится по твоим землям, во все стороны, как по жилам.

Я и сам чувствовал. Где-то далеко, за гребнями, глубоко вдохнул мой лес, от корней до вершин. Потянулась к старым трубам вода, нащупывая дорогу к купальням. Отозвался тёплой волной зимний ельник у санатория, и даже дуб четвёртой печати, глухой и дальний, повёл кроной сквозь свой сон. Земля испивала силу жадно, до самого дна, и по этому отклику я впервые за долгие недели ощутил её не полем недавнего боя, а домом.

– Значит, и вода станет сильнее, – сказал я, поднимаясь. – Это хорошо. Купели можно заполнять уже сегодня.

И первым в эту воду, по старому уговору, пойдёт Леонид. Обещание своё я помнил: очередь его начиналась раньше всех платных постояльцев, и тянуть с исполнением я не стал бы ни дня.

– Передай Сухомлину, когда вернёмся: купели заполнить и Леонида пустить первым. Сегодня же. Я ему слово давал.

– Передам, – Виктор всё не отнимал ладони от скалы. – И трубы к купелям я ещё на той неделе проверил, держат. К вечеру вода дойдёт сама, ей только дорогу открыть. Слушай, а ведь красиво вышло! Я думал, тут навсегда сухо останется после того, что мы с этим местом сотворили.

– Земля отходчивее людей, Виктор. Ей главное, чтобы по ней перестали бить.

Обратно лес был уже не так щедр: то ли устал, то ли посчитал, что чудес на сегодня довольно. Дорога разложилась на полную длину, и преодолевали мы её честно, под темнеющим небом.

В поместье вернулись только к ночи, голодные и вымотанные, зато с чувством выполненного долга.

Валерьян встретил меня в кабинете со словами: Пушок без изменений. Дышит с провалами, на зов не отвечает.

– Утром попробуем его в купель положить, – сказал я, глядя на рыжий бок в лежанке. – Вода теперь новая, сильная. Может, подлечит.

Дед кивнул без большой веры, и я оставил их вдвоём.

Снизу, из обеденного зала, манило жареным: курица, картошечка, и желудок мой напомнил, что за весь день в нём побывал один завтрак. Я спустился, предвкушая, и перед самыми дверями зала меня остановила Лиза.

– Всеволод, на пару слов можно?

В руках она держала знакомую мне шкатулку. Ту самую, в которой я подарил ей часы. Девушка бережно сжимала её обеими руками.

Мы отошли в один из свободных залов, и она затворила за нами дверь.

– Я очень долго думала, – начала Лиза, глядя на шкатулку. – Она или не она. Сперва я сочла часы настоящим подарком. Чисто лекарское ремесло, вещь, лучше которой для меня не придумать, и я была этому очень рада, ты не подумай.

– Ты можешь быть со мной откровенна, – я понимал, что ей сложно решиться, чтобы высказать правду.

– Но ты нашёл ту самую шкатулку, – она перевернула её и показала дно.

На тёмном дереве, у самого края была выжжена печать. Старая и глубокая с гербовым вензелем, потемневшая от многих лет.

– Мне сначала казалось, что это ошибка. Но нет. Она настоящая. Я относил её к Ярине, и та подтвердила: за столько лет с деревом ничего не происходило. Это она, Всеволод. Наша.

– А я всё думал, поймёшь или нет, – улыбнулся я.

– Это очень ценный подарок.

Она тоже улыбнулась, я залюбовался и не стал отводить взгляд: пусть видит.

– Но Всеволод, – Лиза прижала шкатулку к груди, и голос её сел. – У меня есть вопрос. Там, где ты нашёл её, было ли остальное? Тогда я была маленькая и не знала, куда и зачем забирали все наши вещи. От матери там осталось кое-что очень ценное. Что может пригодиться тебе.